

Владимир Голубничий: «Журналистика — это проявитель»

1 0 в о п р о с о в с а м о м у с е б е

Голубничий Владимир Николаевич — главный редактор газеты «Беловский вестник», город Белово Кемеровской области. Родился в 1951 году в селе Иртыш Омской области. Образование: первое профессиональное — Осиновский горный техникум (1967—1971), специальность «Подземная разработка угольных месторождений». Второе — Иркутский государственный университет (1979—1985), отделение журналистики. Работаю в газете «Беловский вестник» с января 1984 года заведующим Угольным отделом, с ноября — зам. редактора, с января 1988 года и по настоящее время — редактор. Женат, трое детей, четверо внуков

1. ЖУРНАЛИСТИКА — ЭТО...

Проявитель. Кто сам печатал фотографии в темнушке при красном свете, помнит: опускаешь экспонированную бумагу в кювету с проявителем — и, о чудо! Появля-

ются дома, люди... Всё это и раньше там было, но скрыто. Не прояви — так и уйдёт в небытие и никто никогда не узнает...

2. ПОЧЕМУ Я ПОШЁЛ В ЖУРНАЛИСТИКУ?

Помните сказку «Золотой ключик»? Много поленьев на своём веку обстрогал столяр Джузеппе, но лишь одно подпрыгивало, пищало, и из него вышел Буратино. Так и с журналистом. Если есть он внутри — «пищит, подпрыгивает»

и суёт куда попало свой длинный нос, то никуда не денешься — быть тебе «Буратино». Изначально я пошёл работать руками — окончил горный техникум, получил специальность «Подземная разработка угольных месторождений» и 10 лет отработал на шахтах Кузбасса. Там, в шахте, порой писал мелом на прорезиненном брезенте вентиляционных труб. Хотя строчки были в рифму, всё же это скорее ироничная публицистика.

Писал, к примеру, о друзьях-шахтёрах, мучающихся с похмелья и вздыхающих:

«Эх, не принёс бы чёрт вчера Ваську с бутылкой, все было бы туп-туп, я же как раз меру принял...»

Вот те строки:

*Автобус, утро, тусклые огни.
Привычно матерятся шофера.
И где-то здесь находятся они —
Те, кто наливали нам вчера.
Растворены средь тысячи людей,
Совсем простые, как товарищ Ленин,
Не отличимые, как жёны от лядей.
Единственная мета — нету тени.
Да, длинный хвост — ещё одна примета.
Истину сократовски любя,
Я у друзей подозреваю это.
Щупаю, поймал, держу... себя!*

Работал я тогда помощником начальника участка, а начальник, Константин Храпцов, был членом бюро парткома шахты. В то время на шахте открыли свою многотиражную газету «Шахтёрские горизонты» и искали кадры. Храпцов меня и выдал — мол, у меня помощник все трубы мелом исписал, пусть в газете рисует. Я ещё месяца три посопротивлял-

ся, аргументируя, что уголь добывать я умею, есть диплом, опыт, а писать — так, развлечение, типа хобби. Но мне сказали, что у остальных такого хобби нет, могут только или копать, или не копать, поэтому вперед, а если новая работа будет совсем не по нутру, то лопату у тебя никто насовсем не отбирает, — вернёшься в шахту.

Довольно долго я работал и там, и там, а потом поступил в Иркутский университет, получил диплом журналиста. С 1984 года я только в журналистском «забое».

3. КОГО ИЗ ГЕРОЕВ СВОИХ ОЧЕРКОВ Я ПОМНЮ И ПОЧЕМУ?

Некоторых из своих героев я знал ещё по прежней шахтёрской жизни. Так получилось и с Владимиром Нагайцевым. Он работал в шахте в Междуреченске, потом развёлся с женой, уехал в Алтай, стал буровым мастером в геолого-разведке, перегонял через перевал буровую установку, двое суток за рулём, не выдержал и уснул.

Улетел в горах с дороги, дальше воспоминаний нет до больницы. Открыл глаза — женщины в белых халатах. Заметили, что зашевелился, одна говорит: «Слава Богу, очнулся, значит жить будет». А другая так горестно выдохнула: «А нужна ли ему такая жизнь? Может, уж лучше бы...» Тут Володя опять потерял сознание.

Только потом, ещё через несколько дней, он осознал, что нет ног выше колен. Кистей рук тоже не было. Затем был долгий путь поиска себя такого в этой жизни. И он смог подняться. Работал на домашнем телефоне диспетчером у кооператоров, а когда мобильная связь убила эту профессию, стал таксистом в Барнауле. Да, да! Без рук, без ног!

К тому времени он уже женился на телефонистке, она знала его только по голосу и влюбилась, понятия не имея о его физическом состоянии. Потом увидела, и... вышла за него замуж. Родился сын Иван. Володя на машине стал хорошо зарабатывать, обеспечивал семью, менял автомоби-

ли, был «Человеком года» в Барнауле.

Я с ним однажды полдня проездил, хорошо он водил. Внуки пошли. После моего очерка о нём многие из тех, кто прочитал, пересмотрели свою жизнь, и собственные проблемы, перед которыми они вчера пасовали, показались не то что маленькими — ничтожными!

4. ВЫ СЧИТАЕТЕ СЕБЯ СВОБОДНЫМ ОТ САМОЦЕНЗУРЫ?

Это про свободного от самоцензуры сказано: «Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца». Я на другой стороне.

5. ЧТО (ИЛИ КТО) ПОМОГАЕТ НЕ ТЕРЯТЬ ВЕРУ В СЕБЯ И В ПРОФЕССИЮ?

Герои моих очерков. Мечтаю издать небольшую книжицу с названием «И ты сможешь» про людей, преодолевших, казалось бы, непреодолимое.

Наряду с Владимиром Нагайцевым туда обязательно войдёт Сергей Мурзин. Он со школы мечтал стать лётчиком. Укрепил здоровье, упражнениями со штангой в специальных ботинках выправил плоскостопие. Поступил в летное, ещё курсантом начал летать на сверхзвуке, но вылез геморрой, отчислили. Хотел перехитрить комиссию — ездил поступать в училища по всей стране. Всё напрасно — хирурги его вычисляли сразу. Мы встретились с ним в 1979 году в поезде «Москва — Новокуз-

нецк», он возвращался после последней попытки. Всё! 25 лет! Дальше не принимают по возрасту. Узнав, что я тоже буду поступать, но только на журфак, решил, что без знаний высшей математики в журналисты никак, подарил мне свои конспекты: «Мне больше не пригодятся». Сказал, что пойдёт работать в шахту. Мы жили с ним в одном городе Белове, но не пересекались.

Прошло 32 года, в 2011 году в магазине ко мне подошёл мужчина и сказал: «А я всё-таки стал лётчиком». Он ночами рубил уголь в шахте, а днём уезжал в соседний город на аэродром ДОСААФ, там особо с медкомиссиями не привередничали, стал сначала курсантом, потом — преподавателем, а затем и возглавил лётный клуб. У него две трудовых книжки, и по обеим выработал положенный трудовой стаж: шахтёра и лётчика.

Мой очерк о нём называется «Жизнь по высшему пилотажу». Сергей и сейчас летает — работает в частной авиации на самолёте-амфибии.

6. ЕСЛИ НЕ ЖУРНАЛИСТИКА, ТО... ИЛИ ГДЕ ВЫ ЕЩЁ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ ПОЛЬЗУ?

Шахтёром я уже был. Десять лет. На земле из работ тоже много вкусенького. Надо закончить книжку «Откуда мы родом». А вообще считается, шахтёр всё может, кроме как наручные часы отремонтировать, — там с лопатой негде развернуться.

7. КАК ВЫ ОТДЫХАЕТЕ?

Это самый трудный вопрос. Ведь у меня хобби стало работой, а если за это ещё и деньги платят, то это как бы уже и не отдых. А по выходным уже больше пяти лет я сажусь за руль и еду за 200 км ухаживать за старенькой (88 лет) мамой. Мой отдых — в перемене забот, во встречах с близкими, друзьями.

8. КАКИЕ ХУЛИГАНСКИЕ ПОСТУПКИ ВЫ СОВЕРШИЛИ В ДЕТСТВЕ ИЛИ В ЮНОСТИ?

Строго говоря, хулиганом не был, но противоправные поступки совершал.

У меня даже целиком практика была «хулиганская». Летом 1970 года направили меня на практику в город Междуреченск на шахту им. Ленина.

В смену меня поставили с Николаем. С известным Николаем Валуевым общее у них не только имя, но и комплекция. Я буквально свалился на его голову. При 36-часовой рабочей неделе смены были по 8 часов. Идти на рекорд — это всю смену в поту. Свою стандартную 800-граммовую фляжку чая я выпил быстро, потом спросил попить у Николая один раз. Затем, решив, что разрешил — значит разрешил, больше не спрашивал, а когда напарник сел перекусить, его фляжка оказалась пуста. Матюкнувшись, он поел сухомятку.

Коля не предполагал, что на следующий день у него не будет и этого. Надо сказать, что в шахте за шахтёрскими «пайками» (они же «тормозки») охотились крысы.

Хлеб с куском мяса, котлетой или колбасой, завернутый в газету, дожидался своего часа — какогонибудь небольшого технологического или нечаянного аварийного простоя — в кармане куртки. Крысы ухитрялись и оттуда его вытащить.

Коля, чтобы серые не добрались, свою куртку подвешивал на штреке над конвейером. А я на этом штреке дробил кувалдой уголь, на ходу разбивая «чемоданы», которые по размерам не пройдут через устье перегруза на следующий конвейер. Порой куски попадались здоровенные, крепкие, приходилось бежать и бить их на ходу метров 50, а то и больше. Возвращаюсь к лаве, смотрю, а по конвейеру плывёт аккуратный газетный свёрток, выхватил его из угла, развернул — пайка!

Поджаренная колбаса пахла обалденно. Думаю, наверное, у кого-то из прошлой смены аппетита не было, сунул за борт, чтоб обратно не тащить, а сейчас он вывалился. Съел тормозок я быстро и с большим аппетитом, а когда у Николая выдалось время перекусить, выяснилось, что крысы таки добрались до его пайки и вытащили её из кармана, упала она на конвейер, а дальше вы знаете. Напарник материл крыс, я ёжился, но так и не решился сознаться, что наряду с хвостатыми я, не ведая правды, поучаствовал в этом преступлении.

Но это были ещё цветочки. В конце одной из смен я, совершенно вымотанный, сбивал кайлом железистый колчедан, Николай впереди меня бросал уголь на главный конвейер и чуть дальше пронёс назад лопату, где взлетало моё

кайло. Коля закричал страшно.

Он выдернул из своей левой руки жало кайла и, вопя от боли, побежал по штреку.

Я за ним: «Коля! Коля!» Тут и другие мужики обратили на нас внимание. Тоже подбежали. У кого-то нашёлся несладкий чай, им и промыли рану. Колю с сопровождающим отправили на-гора. Когда напряжение спало, припомнили, что я бежал за напарником, так и не выпустив из рук орудие преступления.

«Ну, думаю, студент с кайлом бежит — значит Николая добивать будет», — пошутил кто-то по-чёрному. Так моё имя впервые появилось в газете, в шахтёрской многотиражке. Под рубрикой «Нарушители техники безопасности».

Мне было лет 14, когда я ничтоже сумняшеся принялся судить классиков. В то время, читая книги, я ещё пропускал тексты про любовь как неинтересные, и жадно проглатывал описания боёв, приключений. Маяковский меня поразил динамикой стиха, мобилизационным настроением, а есенинские кабацкие строки покорили. Конечно, я написал под Маяковско-го:

*Маяковский — сила,
Есенин скулящий — дрянь!
Жизнь тогда не коптила —
Россия была рвань.
Так зачем о луне выть?!
По пьянке любовь опрокидывать?!
Больше надо преть:
Недостатки клеймить,
выкидывать!
Не умеешь — не берись,
Работай руками, не словом,
И Россия поднимется ввысь
Без всяких Есениных-клоунов!*

Позднее Сергей Есенин стал одним из любимейших моих поэтов, и я долго стыдился этих строк и нигде их не читал. Пока они не стали просто фактом истории, пусть и глупой.

9. ВАШЕ САМОЕ ЯРКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ?

Мне было лет семь, когда мы с ребятами заспорили и спросили какого-то пожилого прохожего, есть ли Бог. Спросили скорее для прикола, ведь официально нам кругом говорили, что Бога нет, а попы народ дураят.

К нашему удивлению, он ответил серьёзно, мол, есть или нет — неизвестно, но веры придерживаться надо. Тогда я решил сам прове-

рить наличие высших сил на небе. Говорю, если ты, Бог, есть, то ударь в меня молнией. И тут же отпрыгнул в сторону, рассчитывая, что целиться, если Он есть, будет туда, где я стоял, а меня там уже нет! Так и я жив останусь, и проверка состоится.

Понятно, что я остался жив. Бог на дурачков молнии не тратит. Но тогда я укрепился в атеизме. Потом я ещё не раз убеждался на своём опыте и глядя на других, что именно человеческая глупость даёт понятие о бесконечности.

10. ВАШИ ЛЮБИМЫЕ: КНИГА, ФИЛЬМ, ПЕСНЯ, БЛЮДО, НАПИТОК?

Если что-то одно, то энциклопедия, а так от Роберта Бернса и Игоря Губермана до «Несвятые святые» архимандрита Тихона (Шевкунова). Фильмы, что смотрел больше, чем раз, — почти все гайдаевские. Люблю песни Высоцкого.

Что касается блюда, то, по Станиславскому: трудное — сделать привычным, привычное — лёгким, а лёгкое — прекрасным. Варю по утрам гречневую кашу на воде без соли и сахара, тру морковь, добавляю ложку оливкового масла и ем с большим удовольствием, запивая зелёным чаем, он же любимый напиток.

&